

В ПОТОКЕ КНИГ

П.С. Гуревич

МУЗЫКА НАДЗВЁЗДНАЯ

Аннотация. В статье содержатся комментарии к сборнику стихов Светланы Яковлевны Левит. Читателям нашего журнала она известна как философ и культуролог. В течение долгих десятилетий С.Я. Левит готовила к изданию труды философской классики, лучшие сочинения отечественных философов. Разумеется, эта работа требует не только исследовательских усилий. С.Я. Левит приходится искать бреши в официальной идеологии, которая вовсе не в восторге от потенциальной образованности народа. Напротив, добываясь отставки престарелых академиков, чиновники не отдают себе отчета в том, что так шла в Китае в свое время «культурная революция». С.Я. Левит причастна культурной революции без кавычек. Она настоящий энтузиаст духовного просвещения. И вот неожиданно оказалось, что С.Я. Левит пишет стихи. Она выпустила в свет свой первый поэтический сборник. В нем собраны произведения, которые были написаны в течение долгих десятилетий. Поистине талантливый человек талантлив во всем. Анализу достоинств и просчетов первого поэтического сборника посвящена данная рецензия. В ней приведены и сами произведения поэтессы.

Ключевые слова: филология, поэзия, воображение, фантазия, пейзаж, философские этюды, метафора, стиль, образы, интонация.

Левит Светлана. Золова арфа. М., СПб, 2013. 128 с. (тираж 500 экз.).

Я знаю Светлану Яковлевну Левит много десятилетий. Вместе когда-то начинали обширную издательскую деятельность. Но в этой сфере она преуспела больше меня, став руководителем блистательных книжных проектов. Мне приходилось часто писать о ее издательских акциях. Я привык к этому имени, связывая ее жизнь с философией и культурологией. Но я не знал, что она еще и поэтесса.

Самое удивительное: по-моему, она тоже не знала... В ее стихах нет фанатичного самоутверждения, размышлений о месте поэта в рабочем строю, сравнений поэтического слова с вином, которому настанет свой черёд. Каждое стихотворение в ее сборнике — это нечаянный выдох, дань внезапному состоянию души, «по каплям россыпь впечатлений». Кажется, за почти полвека своей творческой активности С.Я. Левит ни на что и не претендовала: просто стенографировала роптания сердца. В книге нет взрывов страсти, мятежности, трагических ситуаций. Но есть акварельная картина мира, в которой присутствует все — любовь и расставание, стук судьбы в дверь, мир горных звуков, соловьиные песни и клёкот птиц.

В русской поэзии, пожалуй, только Михаил Лермонтов умел тотчас же откликнуться на открывшуюся картину и превратить случай в событие, повод для душевного излияния. Вот засохший листок, сразу побуждающий к исповедальности: «Скажи мне, ветка Палестины, где ты росла, где ты цвела...». А вот нищий, просящий подаяние и получивший камень в свою протянутую руку... И сразу: «я так молил твоей любви...». Эта сиюминутность относится, пожалуй, и к другим строчкам: «Белеет парус одинокий...», «Когда волнуется желтеющая нива...», «Терек воет, дик и злобен...»

Разумеется, и у других русских поэтов можно отыскать примеры неожиданной и спешной зарисовки реального события: «Я ехал к Вам, живые сны...», «Подъезжая под Ижоры...» или просто «Дай, Джим, на счастье лапу мне...». Но у Светланы Яковлевны, мне кажется, стихи рождались, как пена, несомая морским прибоем. Вот что-то помстилось, что-то поразило. Задрожал сад — вишенник. Раздался тихий гром среди зимы. Или услышан волн солёных ропот. Случились душевные грибные дожди. Снова вспомнился большевский дом.

Надо это запомнить, перенести на бумагу. Не забываясь, порой, о точности рифм, не подвергая строчку мучительной отделке — «Смех взвился ввысь...». Но

главное передать, зафиксировать поразившую поэтессу музыкальную ассоциацию.

Сад

*Сад весь омыт и спит.
Смех взвился ввысь —
и стих.
Месяца светлый лик
В тучах сквозных возник.
Чудится тонкий звон.
Слышится мерный
всплеск...
То Фредерик Шопен —
полонез.*

Конечно, «тонкий звон» и «Фредерик Шопен» рифмуются условно. Но зато — какая меткость венчающей строчки. Как мгновенно нарисованная картина обретает музыкальное звучание. И эту гармонию аккордов мы услышим не раз.

Каватина

*Море катит волны,
перисто взлетает,
Солнца шар огромный
ветер раздвигает,
И скользящим бегом
по волнам несётся.
В пенистом стозвонье —
Каватина солнцу!
Как в икринке
рыба,
В ночи
утро росное —
В радостном стозвонье
Музыка надзвёздная.*

«Стозвонность» станет для автора милым, прилипчивым словом и повторится еще и как воплощение весеннего сада.

Читатель не отыщет здесь безупречных рифм, но невольно почувствует, что друг друга окликают не звуки, а эмоциональные состояния, которые позволяют сближаться далеким друг от друга словам. Не поэтическая небрежность, а умышленный поиск полифонической окраски. «Звучит там музыка стройна, как в готике летящей зданье». Да, готическому стилю как в архитектуре, так и в моде соответствуют прямые, устремленные ввысь линии и острые формы. Вот и О. Манделштам писал:

*Где римский судья судил чужой народ,
Стоит базилика, — и, радостный и первый,
Как некогда Адам, распластывая нервы,
Играет мышцами крестовый легкий свод.
Но выдает себя снаружи тайный план...*

Светлана Яковлевна, судя по всему, не искала читателя и не рассчитывала на встречу с ним. В ее же строчках мы находим объяснение, выраженное без притворства. Да, ощущалось в душе биение ритма. Да, во сне, без видимого напряжения, рождались строчки. Да, являлись снежные звёзды, которые имели обыкновение расцветать. Но ведь все это без строгого отбора. Не для поэтического же сборника. А скорее для себя...

*Я вместе с ритмом родилась,
Но долго не осознавала
Стихов причудливую вязь,
Что в снах тревожно прозревала,
Когда в полночной тишине,
Расцветши снежными звездами,
Стихи рождались и во мне
Биенье сердца разжигали.
И мерно двигалась рука,
Почувяв раньше, чем сознание,
Всю хрупкость снежного стиха,
Во сне рожденного нечаянно.*

Но ночные тревожные прозрения оказались значимыми. Стихи поэтессы не заёмные, интонация и метафорика — сугубо индивидуальные. Конечно, ощущается профессиональное знакомство с мировой поэзией. Порой зачарованно вкрадывается и чужой образ — «скрещенье взглядов». Разумеется, Пастернак не приватизировал слово «скрещенье» («скрещенье рук»). Но Ильф и Петров остерегали, если одно слово приходит в голову двоим, то оно может запросто явиться многим. Между тем стихи так живо связывают читателя с живой и обаятельной Светланой, когда и в устной речи чудится восторг жизни, а мысли сбиваются в поток, словно эта женщина поражена вихрем смыслов. «Скачет мысль, как норовистый конь»...

С.Я. Левит увлечена поэзией известного польского поэта-модерниста Леопольда Стаффа. Центральный мотив и образ лирики — природа как вечная, умеряющая боль душевных прозрений сила, сообщающая смысл, устойчивость и красоту человеческой жизни: сборники «Сны о могуществе» (1901), «Цветущая ветвь» (1908), «Пером совы» (1921), «Мёртвая погода» (1946) и др. Стихи Стаффа отличаются прозрачностью, разнообразием ритмического и мелодического рисунка. А вот вариации С.Я. Левит на темы Л. Стаффа:

*Чернея, дремлет лес печальный.
Поля в плену безмолвья безутешны.
Вдруг щебет птицы одинокой, ранней
Среди деревьев раздался –
Мир стал песней.*

Или вот еще. Тоже из Л. Стаффа:

*Минувшее, как зачарованный сад.
Как полная плодов отборных чаша,
Листьев облетевших золотые ковры.
Виноград пламенеющий гроздьями свисает.
Закат, как детство, излучает диво...*

Белым стихом, но с поразительной музыкальностью С.Я. Левит рисует картину «лесов, пылающих в прощальном увяданье».

А вот поэтические мотивы в духе Жака Превера:

*Он стоял.
Словесный ливень неустанно
Громоздил «вопросы» и «проблемы»,
Разом обнажились все пробелы,
И от пустословья мысль устала.*

Стихи Светланы Яковлевны Левит публикуются впервые. В аннотации отмечено, что они отражают поэтическую автобиографию автора. Иначе говоря, душа порой томилась лирическими пейзажами, но натолкнулась и на философскую грань. Возникла потребность поразмыслить над магией творчества, приблизиться к истокам вдохновения и раскрыть суть его зыбкости...

Программное стихотворение, давшее название всему сборнику — Эолова арфа. Мартин Хайдеггер напутствовал: любое искание надо обратить к грекам. Там, в античности — покров тайны. Светлана Яковлевна ищет наития в древнем мифе. Бог Эол, сын Эллина и нимфы. Человеческий голос, звуки арфы. Казалось бы, чаруй, веди за собой. Ступай за Орфеем как безмолвная Эвридика. Но вдруг неожиданный поворот сюжета. Да, в струнах ощутим ветер буйный. Но нет полноты глубинных переживаний. Этот поток чарующих звуков нужно наполнить собственными страстями, избытком своих чувствований:

*Пел голос. Он был странно пуст
И, как ручей, — однообразен,
В нем не играла прихоть чувств.
Дурман весны, коварство празднеств.
Пел голос. Он был выше, чем скала,
И хороводы звезд ему внимали,
И грустная луна, роняя шали,
Тропою млечною плыла.*

«Хороводы звезд», «млечная тропа», понятное дело, подсказаны романтической поэзией. Но вот дурман весны и коварство празднеств влекут к импрессионизму. А «грустная луна, роняя шали...» — это, пожалуй, самобытный образ. Стихотворение заканчивается неожиданной строчкой: «И снова я пустилась в путь...». Про что речь? Про то, как Эолова арфа лишь призвала к поэзии. Остальное читаем дальше...

Предчувствие как эмоциональное состояние не может выражаться в точных измерениях, в сцеплении ясных созвучий. Поэтому — верлибр:

*В вечернем саду шорохи...
Будто кто-то крадется,
прячется, шепчется.
Осень ходит по городу –
оппадают листья,
Днем она блистает
пышными одеяниями,
А ночью печалится
о приближающихся холодах...*

Итак, в первом разделе — свежесть восприятия мира, яркие импрессионистские зарисовки, размышления о единении и противостоянии человеческой души и природной стихии. Мне очень нравится стихотворение без названия:

*Как здесь долго живут цветы,
Как туманы белы низинные,
Холодны воды Истры глубинные,
Словно искры, летят листья.
Тонкий, призрачный контур берёз –
Гибкость линии Хокусая...
И под вечер хрустит, подсыхая,
Легкий наст кристаллических рос.*

Настоящая поэзия начинается с ярких поэтических образов. В сборнике стихов их много: «в пенном стозвонье», «в звучанье рощи обосененной», «ослепив драгоценною зернью», «солнца клюв кровавый утонул во ржи», «из глубины мерцающей тиши», «не в бронзе отлетевший дух», «гомон невнятных смыслов», «полярностей игра, перетеканье», «в час опадающих листьев», «таинство сплетенья», «гривастый огонь вбежал», «вечер блуждающих звёзд», «не прозвенеть мазуркою Шопена», «лесов, пылающих в прощальном увяданье», «холод дальней звезды и бессонница».

От имени поэта Светлана заявляет: «Я раб — нужны мне впечатленья». Да, без текучести новизны не рождаются строчки. И мнится порой, что дата собственного рожденья сопряжена вообще с первым днем творения.

Так, поэтессу привлекают ритмы, желание передать ход шагов, полёт звезды, «дремотное журчанье ручья в лесу».

Вот оно пиршество красок, зарисовка, ритмически воссоздающая мерное скольжение по лыжне:

Предвесеннее

*В мир, такой голубой,
глаз не в силах поднять:
Ослепит, околдует сверканьем.
Прорезаем лыжню,
серебристую прядь
Предвесенних снегов рассекаем.
Перестук палок — свист...
Перезвон палок — вниз
Понеслись голубыми ручьями.
Лес, притихший в ручьях,
И долина в ручьях,
Солнце ранней весны
поспевает за нами.
Расколдует ручьи —
потекут, зазвенят...
Развезет — нет пейзажа
печальной,
А пока что февраль,
серебристая гладь,
Переливы ледышек хрустальных.*

Зачем понадобились Светлане Яковлевне стихи, которые она после долгих раздумий, решила передать читателям? Нет, она не рассчитывала на «дифирамбов звонницы», не надеялась на бронзовую славу. Но как удержаться от поэтической строки, когда «закатный луч на западе потух», «опустилась тьма». И вместе с тем мир охвачен «страстным ожиданием какой-то ослепительной судьбы». Бесконечность природы рождает утешенье для души. Но пока это только лирические зарисовки. Но вот и высеченная итоговая фраза:

*И прорастают новых мыслей всходы
Из глубины мерцающей тиши.*

Воспевая красоты природы, диалектику страстей, поэтесса вовсе не стремится только к сельской лирике. Творческое самовыражение Светланы разнообразно. Природа раскрыта зачастую глазами горожанки, омытым взглядом, окидывающим сельские просторы.

*Поля все убраны в снопы —
Волос роскошных тугой узел —
И ветер золотистый вызрел,*

*В безмолвье предрассветном спит.
В пьянящем ветре доброта
В плодах запрятого семени,
В звучанье рожи обосененной
Сентябрьских песен широта.*

Нетрудно услышать в стихах и кольцовскую интонацию.

*Полосатый лес
от теней и лыж
Замечтался весь -
что дома без крыши.
Хочет в синь вратить,
К солнцу тянется,
Словно дуг цвести
Весной мается.*

Впрочем, я, будь моя воля, не стал бы включать в сборник откровенную стилизацию под этого поэта. Таких дерзаний полно, да и пародий не счесть. Один пародист даже выразил недоумение: «Что ты, друг, стилизуешься?»

Читаем у С.Я. Левит:

*Запою с тоски —
горе горкою.
Напою гостей
брагой горкою.
Как пойду плясать да слова бросать,
Дробь ногами выбивать,
заколачивать.*

Нет, честное слово, не хочу я этой горькой браги, разудалой радости и скрипучего пола. Читал я, читал и про «барыню, рассударыню» и про страсти, льющиеся через край.

Но, может быть, у Светланы это просто нарочитое озорство, что-нибудь вроде вызова: «хотите что-нибудь кольцовское?». Так вот же — «только б мне не захлебнуться в набегающей волне».

Может, может Светлана рассказать об увиденном так, что много раз повторенное заискрится, защежит... Вот, к слову, домик в Клину, где немцы жгли книги. Избитая тема открывается через потрясающий образ: «Стихов обугленное тело светлейшим пламенем горело». Или еще вот так: «протяжно рвался крик костровый».

Поэтесса пишет не только о лучезарном, в ее стихах прорывается и боль за утрату человечности, за забвение притязаний духа:

*Природный низ...
Его всю благодать
Рабле воспел с усмешкой не случайно.
Он мог уже тогда предугадать,
Что человечество увязнет в тайне
Совокупления, рожденья и питья,
И мыслию пронзая звёзд бездонье,
И постигая тайны бытия,
Не сможет разорвать бездоля
Своей души –
тревогу обрета
За человека, что шагает рядом.*

Звонкая поэтическая интонация Светланы порой замещается тихой исповедальностью. Меняется слог, его размеренность, большую прицельность обретают и поэтические образы. Лирика уступает место фило-софскому раздумью:

*Я верую в тихие речи
И хрупкую стать тростника.
Мне чудится пламень стосвечный
В мерцанье слепом светляка.
Мне таинство это открылось,
Когда мы прощались с тобой.
И многое в нас прояснилось
Той ночью, во тьме голубой. ...
Ты стойко сносил все страданья
И помнил всегда обо мне, -
И в час рокового свиданья
Со смертью в бездонной стране.
И ты, погружаясь в молчанье,
Просил отпустить, не держать,
И я обещала свиданье
И память хранить, не роптать.
И мы попросили прощенья,
И жалость, как нежность, была
Такой бесконечной... Смиренье
Тогда я навек обрела.*

По трепетности изложения, по робкому обживанию темы смерти это стихотворение перекликается с известным «Для берегов отчизны дальней...» И в подсознании оживает:

*«Исчез и поцелуй свиданья,
Но жду его — он за тобой...»*

Поэтесса, разумеется, не чужда литературным ассоциациям. Нет, нет, да и обнаружится в ее стихотворной вязи чуть обновленный образ, знакомый мотив, примелькавшаяся ассоциация: «Весь мир передо мной,

как чаша исполинская, ему в ладонях я свой мир несу», «в дальней церкви льется предвечерний звон», «лето затухает спелыми колосьями», «излом петляющей дороги». Но, несомненно, поэтический голос Светланы самобытен, она видит мир по своему и ее эмоции сами по себе экзemplярны.

*Но не вернулось лишь ко мне
Святое бескорыстие природы.
Леса в багряной осени огне
И ниспадающие воды
Даруют всем землянам благодать
И радуют сердца красотой бессмертной.
А мне не суждено предугадать
Трав прорастанье неприметное.*

Социально-критический пафос поэзии С.Я. Левит порой переходит в гражданский пафос. Она изобличает вещизм:

*Вещи.
Как их много...
Растаял облаком человек,
А они стоят
свидетели и господа его жизни.*

Вещизм не является спутником для человека, который знает тайну завтрашнего дня. Как бы ни поднимался человек по лестнице изобилия, вещи плотным кольцом обступают его. Но радостного желанья пробиться к свету целиком не возникает. Нет желанья закружиться и взлететь. И через тернии вновь — воспоминания о той жизни, когда она была прозрачна и деятельна, как родник.

Притчевость, впрочем, рождается в поэзии С.Я. Левит и без отсылок на зарубежную поэзию и вариаций. Вот ее стихотворение «Мастер и чаша»:

*Не давалась Мастеру чаша –
По цветку ненаглядной, любимой.
Растревожил он множество красок,
Камня всякого загубил.
А ведь выбрал он камень редчайший,
Красоте чаши той по нутру,
В нем хотел он собрать вековечную,
несравненную
красоту.
Перелить в камень всполохи света,
Аромат и дыханье цветка,
Разгадать силу камня заветную,
И казалось, что цель уж близка...
Но мечты-чары зыбкие таяли,*

*И он видел, что утренний свет
Не живет мертвый камень цветка его –
Красоты и души в камне нет.
И в порыве мучительном к истине
Жалкий слепок мечты он разбил...
Образ чудный в сиянье таинственном
За собой его вновь поманил.*

Поэтесса размышляет о таинствах мира, о бренности судьбы. «Растаю облаком, и дважды не

завучит душа моя, исполненная певчей жажды». Эти раздумья рождает «коленопреклоненный вяз, примерзший к пруду одиноко». Но вечен ход жизни в этом мире:

«Иные атомы сплетут судьбы причудливые пути...»

Публикуя стихи С.Я. Левит, мы рассчитываем, что второй сборник последует за первым. Желательно в пределах моей жизни.

Список литературы:

1. Левит Светлана. Эолова арфа. М., СПб, 2013. 128 с.

References (transliteration):

1. Levit Svetlana. Eolova arfa. M., SPb, 2013. 128 s.